

Письма Императору Николаю II

ПИСЬМО 1

Москва

Апрель 1909 г.

Христос Воскресе!

Милый Ники!

Сердечное спасибо вам обоим за прекрасный образок, он висит у меня в молельной вместе с другими иконами, которые я получила уже здесь, в моем новом доме (1).

Ты всегда был таким милым братцем и с таким интересом говорил о нашем уставе, найдя его хорошим, что мне хочется рассказать тебе, как налаживалась моя жизнь здесь с самого начала, когда каждый шаг надо обдумывать и потихоньку, с Божьей помощью, подвигаться вперед. Не случайно я задумала начать пост вместе с несколькими поступившими девушками — с тем, чтобы вместе принимать обеты. Первая неделя прошла в молитве, покое, говении, затем — принятие Святых Христовых Таин, и после этого началась наша жизнь.

В двух словах о том, как проходит день: утром мы вместе молимся, одна из сестер читает в церкви в полвосьмого; в восемь часы и обедня, кто свободен, идет на службу, остальные ухаживают за больными, или шьют, или еще что... У нас немного больных, так как мы берем пациентов, чтобы на практике учиться лечить

разные случаи, о которых идет речь в лекциях докторов, и для начала взяли только легких больных, сейчас уже все более и более трудные случаи, но, слава Богу, больница наша просторная, светлая, сестры очень преданы своему делу, и больные прекрасно идут на поправку. В полпервого сестры во главе с госпожой Гордеевой садятся обедать, а я ем у себя одна — это мне по душе, и, кроме того, я нахожу, что, несмотря на общежитие, некоторая дистанция все же должна быть. В посты, по средам и пятницам у нас подается постное, в другое время сестры едят мясо, молоко, яйца и т.д. Я уже многие годы не ем мяса, как ты знаешь, и у меня все тот же вегетарианский стол, но те, кто к этому не привык, должны есть мясо, особенно при тяжелой работе.

Я вхожу в такие подробности, потому что в обители, они не видят нашей жизни и строят догадки, часто совершенно ошибочные; воображение работает, и многие считают, что мы живем на хлебе, воде и каше, суровее, чем в монастыре, — «какая же тяжелая у них жизнь», — тогда как она всего лишь простая и здоровая. Спим свои восемь часов, если кто не засиживается позже положенного; у нас хорошие кровати и чудесные комнатки с яркими обоями и садовой мебелью. Мои комнаты большие, просторные, светлые, уютные, тоже летние, все, кто у меня был, в восторге от них. Мой дом стоит отдельно, потом больница с домовою церковью, дальше дом врачей и лазарет для солдат и еще дом батюшки = 4 дома. После обеда некоторые выходят подышать воздухом, потом все берутся за работу; чай подается в четыре, ужин в полвосьмого, потом вечерние молитвы в моей молельной в 8 и спать в 10 (2).

Теперь о лекциях: три раза в неделю батюшка, три раза — врачи, между лекциями сестры читают или готовятся. Пока у них медицинская практика только в больнице; я их посылаю в дома бедных от случая к случаю и лишь для того, чтобы собрать сведения; понимаешь, сначала они должны выучиться. Батюшкины лекции очень интересны, просто исключительно, ведь он не только глубоко верующий, но еще и необычайно начитанный человек. Он начинает от Библии, а закончит церковной историей, указывая сестрам, как и что они смогут сказать и чем облегчить душевные страдания. Ты ведь знаешь отца Митрофана, он произвел на тебя благоприятное впечатление в Сарове, а в Орле его просто обожали (з). И здесь многие приезжают издалека в нашу маленькую церковь и обретают силы в его прекрасных простых проповедях и в исповеди.

Это широкий человек, в нем нет ничего от ограниченного фанатика, все основывается на безграничной любви о Господе и прощении — истинно православный священник, строго держащийся Церкви, для нашего дела — благословение Божие, так как он заложил необходимое основание.

Скольких он вернул к вере, наставил на путь истинный, от скольких я слышу благодарность за великое благо иметь возможность посещать его. Никакой экзальтации — но ты довольно меня знаешь, я люблю спокойную, глубокую веру и никоим образом не могла остановить свой выбор на священнике-фанатике.

Некоторые добросердечные хлопотуны из тех, что любят крутиться возле меня, боятся, как бы я не изнурила себя такой жизнью и не надорвала здоровье: я недоедаю, недосыпаю... Но, дорогой, услышишь что-нибудь в этом роде — не верь. Я сплю свои 8 часов, ем с удовольствием, физически чувствую себя удивительно здоровой и сильной (небольшая простуда, ревматические боли или подагра, от которой страдали все в нашей семье, — от них никуда не денешься). Ты знаешь, у

меня никогда не было румяных щек и всякое глубокое чувство тотчас отражается на моем лице, так что в церкви я часто выгляжу бледной, ведь я, как и вы с Аликс, люблю Божеслужение и знаю, какую глубокую радость может доставить хорошая служба. Я хочу, чтобы вы оба и все-все знали то, о чем я уже много раз говорила и писала: я совершенно покойна, а совершенный покой — это совершенное счастье. Мой милый Серж почит в Бозе со многими, кого он любил, с теми, кто ушел туда к нему, а мне Господь дал прекрасную работу на этой земле.

Исполню ли я ее хорошо или плохо, один Он ведает, но я буду стараться изо всех сил, и я влагаю Отец Митрофан Сребрянский свою руку в Его и иду, не страшась тех скорбей и нападок, которые приуготовил для меня этот мир, — мало-помалу моя жизнь повернула на этот путь. Это не минутная фантазия, и никакое разочарование меня не ждет: я могу быть разочарована в самой себе, но у меня и нет никаких иллюзий, и я не воображаю, будто я не такая, как все. Я хочу работать

Комната сестры в обители

для Бога и в Боге, для страждущего человечества, а в старости, когда мое тело уже не сможет трудиться, я надеюсь, Господь даст мне покой и молитву — о деле, мною начатом. И тогда я уйду из деятельной жизни и буду готовить себя для той, большой обители. Но пока у меня есть здоровье и силы, а кругом столько горя, и, следуя по стопам Христа-Кормчего, мы идем к страждущим — в них мы помогаем Ему.

Все очень добры и полны желания помочь, но многие думают, что я взялась за дело, превосходящее мои возможности, — в действительности это не так, я крепка телом и духом и глубоко, бесконечно счастлива в вере. Простите, дорогие, я не приезжала к вам на Рождество и на Пасху, но первые шаги очень-очень важны. Обещайте, что не будете думать, будто я вас забыла по жестокосердию или самолюбию, если я не приеду и на дни рождения. Я думаю, будет лучше, если какое-то время мы не будем встречать праздники вместе: не должно, возложивши

руку свою на плуг, озираться назад, ведь так? Не думайте, что я нахожусь под чьим-нибудь влиянием. Я стараюсь найти путь и, конечно, буду делать ошибки.

Как выяснилось, из лучших побуждений люди донимают моего бедного батюшку: пусть он заставляет меня есть, тогда как я ем, и очень хорошо, заставляет меня путешествовать и все такое... когда я совершенно здорова и сильна, как лошадь. С тех пор как мне сделали операцию, я не знаю, что такое боль, нога на удивление хорошо и едва заметно отекает от долгого стояния — отекают обе ступни, от жары, но ведь это редко у кого не так. Люди не видят моей жизни, не видят, что я совершенно спокойна, довольна и глубоко благодарна Господу за все это. Вместо того чтобы беспокоиться обо мне, они должны благодарить Бога, что Он нашел меня достойной такого утешения, как моя работа, дающая мне столь полное, совершенное удовлетворение (4).

Если у тебя найдется минута ответить мне, пожалуйста, напиши и скажи, все ли ты понял, и, может быть, ты добавишь какие-то добрые слова по-русски к своему английскому письму, чтобы я прочла их батюшке, — о том, что ты веришь в него и уверен, что он сможет помочь мне, если Господь благоволит послать испытания. Понимаешь, я смотрю на вас с Аликс как на своих брата и сестру, а он — как на государя и повелителя, и я чувствую, что его мучают тем, что ты якобы раздосадован моим поведением и считаешь, что он толкает меня на разрыв со всеми вами и заставляет губить себя аскетической жизнью и непомерной работой, тогда как все это неправда.

Он исповедует меня, окормляет меня в церкви, оказывает мне огромную помощь и подает пример своей чистой, простой жизнью — такой скромной и высокой в его безграничной любви к Богу и Православной Церкви.

Поговорив с ним лишь несколько минут, видишь, что это скромный, чистый, Божий человек, Божий слуга в нашей Церкви. Он никогда не соприкасался с высшим светом и только теперь столкнулся со многими странными слабостями, страстью во все вмешиваться и т.п. Теплое слово одобрения от тебя, его обожаемого государя, развеет все скорби — и ведь он в самом деле заслуживает этих слов.

Прости за это длинное письмо, оно для вас обоих, дорогие, ведь я уже давно вас не видела, а вы, наверное, хотите узнать о моей нынешней жизни. Если у вас есть какие-нибудь вопросы, пишите, душеньки.

Прости за это длинное письмо, оно для вас обоих, дорогие, ведь я уже давно вас не видела, а вы, наверное, хотите узнать о моей нынешней жизни. Если у вас есть какие-нибудь вопросы, пишите, душеньки.

Это письмо и нежный привет — вам обоим, дорогие мои. Милые, да благословит вас Господь.

Твоя нежно любящая старая сестра Элла.

(1) В феврале 1909 г. великая княгиня вместе с будущими сестрами поселилась в Марфо-Мариинской обители.

(2) Из воспоминаний м. Надежды (Бреннер): «...Жили в раю. Жизнь в родной, любимой семье. Вечером прощались. На сон грядущий каждого она (великая княгиня. — Ред.) благословляла, и батюшка также. Утром здоровались — к каждому также подходила. Что-нибудь неблагополучно — все заметит. Как-то у меня заболело горло. Она сразу: «Что с тобой?» — «Нет, нет, все хорошо». — «Нет, ты больна, тебе нужно отдохнуть...» Каждый месяц ходили на откровение к батюшке. А что-нибудь на сердце у тебя — всегда, во всякое время дня и ночи, иди к отцу или к матери, и разберется твое дело».

(3) Отец Митрофан Сребрянский писал: «В день моего отъезда из Орла (dМарфоМариинскую обитель. — Ред.) поезд должен был отойти от вокзала в девять часов утра. Но тысячные толпы заперли вокзал и полотно железной дороги, так что поезд не мог двинуться. Была вызвана конная полиция, и только в три часа дня отошел мой поезд, провожаемый плачем и стонами моих покинутых духовных детей».

(4) Из воспоминаний княгини Л.Л. Васильчиковой: «Моя свекровь (княгиня М.Н. Васильчикова. — Ред.), которая была очень дружна с Елизаветой Феодоровной и не одобряла ее монашеского образа жизни, поспешила повторить ей мои слова, что часовня (храм-усыпальница. — Ред.) создавала впечатление, что вместе с ее мужем и сама Елизавета Феодоровна была «заживо похоронена». Великая княгиня стала горячо ей возражать и настояла на том, чтобы моя свекровь передала мне, что она себя не считает

заживо похороненной и что она счастлива и довольна своей настоящей жизнью».

«Элла была настоятельницей обители, и все дела шли через нее. Сестрам приходилось действительно много работать.

Созерцательной жизни в обители не было. Элла и сама принимала во всем участие и всегда была в числе первых, поскольку почти не нуждалась в сне. Например, в сопровождении только одной сестры она ходила по московским улицам и трущобам, пользующимся дурной славой, и полиция в конце концов в отчаянии заявила, что не может обеспечить ее безопасность. Элла благодарила за доброту и заботу, говоря, что ее жизнь находится во власти Господа, а не в их руках».

Из воспоминаний м. Надежды (Бреннер): «Какую наша матушка жизнь вела! Подражала преподобным, тайно носила власяницу и вериги, спала на деревянной лавке. Однажды к ней одна из новеньких сестер среди ночи вбежала (матушку разрешалось в любое время звать в случае необходимости) и увидела, как она отдыхает. Матушка ей только одно сказала: «Душенька, когдаходишь, надо стучать». <...> Пост у нее был — круглый год, и рыбу не ела. По великим праздникам, когда архиереи съезжались, положит себе кусочек, так он на тарелке и останется. В двенадцать часов ночи, после дневных трудов, вставала на молитву, потом обходила свою больницу. Кому-нибудь из больных плохо —

оставалась рядом, ухаживала до утра, всю себя каждому отдавала... Умирали все — только на ее руках. И Псалтирь по усопшим ночи напролет читала одна. Как-то картошку перебирать, сестры заспорили, никому не хочется — матушка молча оделась и пошла сама. Тогда уж за ней все побежали.

Молитвенница она была особенная — стояла на молитве не шелохнувшись, как изваяние. Часто видели ее во время службы в слезах. По ее благословию потом сделали подземный храм, посвященный Небесным Силам бесплотным, прямо под алтарем, и во время литургии она уходила туда, чтобы ее никто не видел... Один день в неделю матушка проводила в Кремле, разбирала почту. (В этот день она шла через обительский сад на Полянку и стояла литургию в храме Григория Неокесарийского, там служба в шесть утра начиналась, кончалась рано. Так не было дня, чтобы она пропустила литургию.) <...> Двадцать две девочки-сироты воспитывались в обители, получали среднее образование. сколько детей она извлекла из притонов Хитрова рынка! Скольких удержала, готовых сорваться в бездну греха и порока!.. Одинокие старухи у нас жили, калеки, мальчика помню расслабленного.

Обеды бесплатные. Толпы бедных кормили каждый день, сотни обедов выдавали на дом, одиночные и для семей. Аптека, больница, амбулатория, лекарства со скидкой, а бедным бесплатно. Лучшие профессора принимали и операции делали. В самых тяжелых случаях Елисавета Феодоровна ассистировала как хирургическая сестра. Больные называли ее руки — чудотворными. <...> Работу безработным находили, курсы оплачивали. Например, мать семейства умеет шить, а машинки нет — покупали машинку. А на Рождество огромную елку устраивали, и кроме сластей — одежда разная теплая, обувь, валенки для бедных детей. Все, что было возможно, сестры своими руками обслуживали и шили. Матушка Великая сама для детей шила и вязала».

«Все качества ее души строго соразмерены были одно с другим, не создавая нигде впечатления односторонности. Женственность соединялась в ней с мужеством характера; доброта не переходила в слабость и слепое безотчетное доверие к людям; дар

рассуждения, который так высоко ставят христианские подвижники, присущ был ей во всем, даже в лучших порывах сердца. <...> Многочисленные доклады и приемы, рассмотрение разного рода просьб и ходатайств, поступавших к ней со всех концов России, и другие дела наполняли обыкновенно весь ее день, доводя ее часто до полного утомления. Это не мешало ей, однако, проводить ночь у постели тяжелобольных или посещать ночные службы в Кремле и в излюбленных народом церквах и монастырях в разных концах Москвы. Дух превозмогал изнемогающее тело. Скрывая свои подвиги, она являлась перед людьми всегда со светлым улыбающимся лицом.

Только когда она оставалась одна или в кругу близких людей, у нее на лице, особенно в глазах, проступала таинственная грусть — печать высоких душ, томящихся в этом мире. Отрешившись почти от всего земного, она тем ярче светила исходящим от нее внутренним светом и особенно своей любовью и лаской. Никто деликатнее ее не умел

сделать приятное другим — каждому естественно его потребностям или духовному облику. Она способна была не только плакать с плачущими, но и радоваться с радующимися, что обыкновенно труднее первого. Не будучи монахиней в собственном смысле этого слова, она лучше каждой инокини блюла великий завет святого Нила Синайского: «Блажен инок, который всякого человека почитает как бы богом после Бога»

Из доклада Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве: «9 июля 1912 г. ее императорское высочество великая княгиня Елисавета Феодоровна в 8 ч. 30 м. утра вышла в больничный храм обители к обедне, по окончании службы в 10 ч. утра ушла в покои. В 1 ч. 30 м. дня выехала вместе с сестрой, принцессой Викторией Федоровной <...> из дому на Б<ольшой> Ордынке. Против дома бывший Осипова остановилась, где на тротуаре лежал отравившийся неизвестный, на вид рабочий, лет 25—27, мужчина. Около последнего собралась публика и городской. Ее высочество осмотрела неизвестного и тут же вернулась в собственную аптеку, на собственных лошадях отправила двух аптечных докторов привезти в обитель больного, а сама осталась ждать у аптеки. Через 10 м. был привезен больной, которому в присутствии ее высочества была подана первая медицинская помощь, а затем больного на извозчике при дворнике отправили в городскую больницу. В 2 ч. 30 м. дня ее высочество вместе с сестрой выехала

в Отделение чахоточных обители на Донскую улицу, а в 4 ч. дня вернулись домой. В 5 ч. вечера вышла в больничный храм обители к вечерне. По окончании вечерни в 7 ч. вечера ушла в покои».

Эти наблюдения велись без ведома великой княгини. Она не желала, чтобы ее охраняли, хотя на нее было устроено покушение: «8 августа 1907 г. под поезд, в котором ехала Елизавета Федоровна, было подложено взрывное устройство. По этому поводу министерством юстиции было заведено специальное дело «О взрыве, прошедшем на соединительной ветке с Николаевской железной дороги на Курскую, под поездом, в котором следовала великая княгиня Елизавета Федоровна». Взрыв оказался слабым и не причинил вреда поезду (в качестве бомбы была применена использовавшаяся на железной дороге сигнальная петарда). Однако это обстоятельство могло вызвать определенное беспокойство у властей (злоумышленников полиция так и не нашла)».

Москва

18 апреля 1909 г.

Дражайший Ники!

Большое, большое спасибо за твое длинное письмо с добрыми, прекрасными советами, которые я совершенно принимаю и понимаю; мне только хотелось бы ответить тебе — показать малую часть моей внутренней жизни, чтобы ты знал то, о чем нам редко приходится говорить.

Ты пишешь о духе прелести, в которую, увы, можно впасть и о которой мы часто разговаривали с Сержем. Когда я была протестанткой, Серж, с его великодушием и тактом, никогда не навязывал мне своей религии; то, что я не разделяла его веры, было для него большим горем, но он находил силы

стойко переносить это — благодаря отцу Иоанну, который говорил: «Оставьте ее в покое, не говорите о нашей вере, она придет к ней сама», и слава Богу, так и вышло.

Серж, который знал свою веру и жил по ней настолько истинно, насколько может настоящий православный христианин, взрастил меня и, благодарение Богу, предостерегал от этого духа прелести, о котором ты говоришь. По характеру я слишком спокойный человек, чтобы меня могло увести в этом направлении, но все-таки всегда надо быть настороже, ведь лукавый подкрадывается, когда меньше всего ждешь.

Еще одна вещь, о которой ты пишешь и которую я, должно быть, плохо объяснила или ты не совсем понял: «Ты сама собою правишь, не под влиянием священника». Я хотела сказать, что не под влиянием священника решила жить так, как теперь

живу, ведь я поговорила с ним, уже хорошо все обдумав. Люди не верят, что я сама, без какого-либо влияния извне, решилась на этот шаг; многим кажется, что я взяла неподъемный крест и либо когда-нибудь пожалею об этом и сброшу его, либо рухну под его тяжестью. Я же приняла это не как крест, а как дорогу, полную света, которую указал мне Господь после смерти Сержа и которая много-много лет назад забрезжила в моей душе.

Не знаю, когда — кажется, мне с самого детства очень хотелось помогать страждущим, прежде всего тем, кто страдает душой. Желание это во мне росло, но в нашем тогдашнем положении, когда мы должны были принимать у себя, делать визиты, устраивать приемы, ужины, балы и т.п., это не могло целиком заполнить мою жизнь — в первую очередь надо было исполнять другие обязанности.

Ты не можешь согласиться с такими «большими переходами в жизни», но пойми — для меня это никакой не переход, это мало-помалу росло, а теперь обрело форму. Очень многие из тех, кто знал меня всю жизнь и хорошо знают сейчас, вовсе не удивились, а сочли это лишь продолжением того, что началось раньше, и я сама поняла это так. Я была поражена, когда разразилась целая буря: меня пытались удержать, запугать трудностями, и все это с такой любовью и добротой — и с полным непониманием моего характера.

Ты пишешь: «Все-таки нахожу, что ты еще больше могла бы добра делать в прежнем положении». Не могу сказать, прав ли ты, а я заблуждаюсь — жизнь и время покажут. И конечно же, я недостойна той безмерной радости, какую мне дает Господь, — трудиться на этой стезе, но я буду стараться, и Он, Кто есть одна любовь, простит мои ошибки, ведь Он видит, как я хочу служить Ему и тому, что Его.

В моей жизни было столько радости, в скорби — столько безграничного утешения, что я жажду хоть немного уделить другим. Я могла бы исписать еще много страниц, но ведь на бумаге нелегко выразить все, что чувствуешь. Я жажду благодарить, каждую минуту благодарить за все, что мне дал Господь. Я жажду

принести Ему мою ничтожную благодарность, служа Ему и Его страждущим детям. О, это не новое чувство, оно всегда жило во мне, Господь так милостив ко мне.

И еще, ты пишешь: «Нужно быть под руководством...» Как это верно и справедливо. До сих пор, к сожалению, я не встречалась с «опытным старцем», но весной, еще до твоего письма, решила побывать у него. Он служит неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры, в Зосимовой пустыни (1). Зовут его Алексей (2), он выходит только по субботам и воскресеньям — исповедовать. Отец Митрофан ездит к нему как к духовнику и пользуется его советами, и там бывает уйма паломников.

Он чудесный, настоящий святой, но, увы, боюсь, скоро совсем перестанет принимать. Наш батюшка, до того как поступить в мою обитель, говорил с ним и с другими старцами — ведь он и раньше всегда окормлялся у старцев, и они все благословили его взяться за это дело, хотя он по молодости и боялся. Так что, видишь, Господь благословил наше дело через священника, к которому в Орел издали приезжали за утешением и поддержкой, и вот оно мало-помалу начинается.

Старец Алексей (Соловьев)

Старец Герман (Гомзин)

Я нахожу для себя огромную и трогательную поддержку в лице трех игуменов (3): они считают меня своей, руководят мной, что мне очень помогает. Кроме того, митрополиты Трифон и Анастасий(4) теперь мои наставники, я у них бываю, и они со мной подолгу беседуют. Еще у меня есть светские сотрудники, к чьим советам я прибегаю, так что, пожалуйста, не думай, будто я воображаю, что все могу делать и решать одна. Я все сперва обдумываю и обсуждаю и уж потом как начальница принимаю решение, веря, что Господь меня вразумит.

Вы оба, дорогие мои, молитесь за меня; даже если вы считаете, что я заблуждаюсь, молитесь, чтобы Господь наставил меня творить правые дела — теперь, когда первый шаг уже сделан. Я столько слышала о вашем епископе, отце Феофане, очень хочу с ним познакомиться и поговорить.

Пожалуйста, попросите его помолиться за меня. Очень боюсь, ты подумаешь, что я гордая, самодовольная и чуть не лопаюсь от сознания, будто делаю нечто великое. О, если б ты меня лучше знал... Я знаю, Аликс воображает, что я позволяю называть меня святой — она так сказала моей графине Олсуфьевой. Я — подумать только! Да что я такое? Ничем не лучше, а то и хуже других. Если кто-то говорит

глупости и преувеличивает, чем я виновата? Ведь в лицо мне этого не говорят — знают, что я ненавижу лесть как опасный яд. Я ничего не могу поделать с тем, что меня любят, но ведь и я люблю людей, и они это чувствуют.

Я делаю для них что могу и в ответ получаю благодарность, хотя и не должно на это рассчитывать. Ни одной минуты я не думаю, что совершаю подвиг — это радость, я не вижу и не чувствую скорбей по безмерной милости Божией, которую я и всегда ощущала. Я жажду отблагодарить Его.

Те несколько сестер, что живут у меня, хорошие девушки, очень верующие — но ведь и все наше служение основано на вере и живет ею. Батюшка их наставляет, три раза в неделю у нас бывают замечательные лекции, на которые приходят и гости. На утреннем правиле батюшка читает из Евангелия и говорит краткую проповедь и т.д. Я опекаю их, мы разговариваем. Едят они без меня — кроме как в праздники, на Пасху, может, чаще. Чай пьем все вместе, и священник с матушкой тоже, разговор бывает о духовном... Потом у нас будет большая трапезная, как в монастырях, с чтением житий, а я как настоятельница буду иногда выходить и смотреть, чтоб все было по моему

установлению. В нашей жизни очень много от монастыря, я нахожу это необходимым.

У нас даже несколько бывших сестер милосердия, рекомендованных их начальницами, и девушки, которых прислали старцы (5), и т.п. Так что, видишь, со всех добрых сторон нам оказывается поддержка и сочувствие.

Ну, а свои старые обязанности я тоже не оставляю — комитеты и все мои прежние дела остались. Это всегда было на мне, и только со смертью Сержа приемы, ужины и т.п. кончились и никогда больше не возобновятся. Я принимаю мало, только если на то есть причины. Мари, моя первая гостья, жила во дворце, а обедала и ужинала здесь, у меня, и мы проводили вместе целые часы, когда я была свободна.

Я стараюсь, чтобы другие смогли отдохнуть в моем старом доме в Москве и в то же время чтобы начатое мной дело не страдало от того, что я провожу с гостями по несколько часов. Что до путешествий, то, во-первых, это дорого, а главное, было бы неправильно, «возложивши руку свою на плуг, озираться назад». Сегодня утром проходил мой Киевский полк (6). Я их не забываю, определила небольшой капитал, в память о Серже, на воспитание дочерей беднейших офицеров, а к Рождеству посылаю им и моим черниговцам деньги на елку и разные увеселения для солдат.

Прости мое немыслимо длинное письмо, пожалуйста, прочти его вместе с Аликс, и, если вы еще что-нибудь захотите узнать или найдете, что я в чем-то заблуждаюсь, буду очень признательна за советы или замечания. Простите меня оба. Увы, я знаю и чувствую, что огорчаю вас и, может быть, вы не совсем меня понимаете, пожалуйста, простите и потерпите меня. Простите мои ошибки,

простите, что живу не так, как вам, может статься, хотелось бы, простите, что не смогу часто приезжать из-за своих теперешних обязанностей. Просто от доброго сердца простите и от всей христианской души помолитесь обо мне и моем деле.

Всегда твоя любящая старая сестра и друг Элла.

(1) Свято-Смоленско-Зосимова пустынь — мужской монастырь в 20 км от Александрова (ныне во Владимирской области). Основан в XVII в., несколько раз упразднялся и восстанавливался; с конца XIX в. был известен своими старцами. Закрыт в 1923 г., возрожден в 1992 г.

(2) Великая княгиня окормлялась у о. Алексия (Соловьева). «Старец был духовным центром монастыря. Поражала красота всего его облика, когда в длинной мантии он выходил из своего полузатвора на исповедь богомольцев: и седые пряди волос на плечах, и какая-то мощность головы, и рост, и черты лица, и удивительно приятный низкий баритон, а главное — глаза, полные внимания и любви к человеку. Эта любовь покоряла и побеждала. Человек, подходящий к нему, погружался в нее, как в какое-то древнее лоно, как в стихию, непреодолимую для него, до сих пор еще ему неведомую и вождедленную. Он уже не мог больше не верить, так как в нем уже родилась ответная любовь: огонь зарождается от огня».

«Особой чертой характера о. Алексия является общительность, доступность и внимательность ко всем. Старый и малый, образованный и простой, говоря с ним, чувствует, что батюшка не тяготится, а проявляет живой интерес к судьбе каждого. Больше

того, он как бы берет на себя скорби ближнего, ибо при беседе терзается, обдумывая, как помочь и облегчить твои страдания. <...> Кроме дара «старчества» у о. Алексия много и других замечательных свойств души: так, он человек долга, аккуратно и старательно всегда 1 проходивший послушания и обязанности. Весь порядок его жизни точно определялся предписаниями лаврского начальства, нарушить которые он считал для себя невозможным. Обычным заявлением старца духовным чадам, вымогавшим у него что-

либо, было: «это мне инструкцией не дозволено». <...> Поражает о. Алексей еще своим смирением».

«Бывало, что отец Алексей беседовал с ней «(великой княгиней. — Ред.> по четыре часа. А как она стояла за богослужением! Как свечечка — прямо, не шевелясь, руки по швам, только очень истово осеняя себя крестным знамением и кладя глубокие поклоны».

25 декабря 1909 г., отвечая на полученное от игумена Германа (Гомзина) поздравление с Рождеством Христовым и наступающим новолетием, великая княгиня послала телеграмму: «Сердечно благодарю Вас и всю братию за молитвенные пожелания, да даст вам всем Господь радостных праздников, воспоминание о Зосимовой пустыни для меня всегда дорого, я почерпаю у вас спокойствие и духовное утешение. Прошу Ваших святых молитв за меня и мою обитель. Елисавета».

Великая княгиня часто посещала Зосимову пустынь: в 1909 г. — 30 мая, 5 сентября, 31 октября, 20 ноября; в 1910 г.— 5—6 и 29 января, 6 марта, 23 апреля, 29 мая, 27 августа, 2 октября; в 1911 г.— 11—13 марта, 17 июня, 20—22 августа; в 1912 г.— 2 марта; в 1915 г.— 27—28 июня. Из доклада Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве от 8 января 1910 г.: «5 сего января в 8 часов 10 мин. вечера ее императорское высочество великая княгиня Елисавета Феодоровна выехала по Ярославской железной дороге до станции Арсаки, откуда проследовала на лошадях в монастырь Зосимова пустынь, находящийся в 4-х верстах от станции, где остановилась в монастырской гостинице. 6 января ее высочество была за обедней в монастыре, где приобщилась Св. Тайн, а вечером от 6 часов была на всенощной. В 3 часа 30 мин. утра с почтовым поездом № 3 отбыла в Сергиевский Посад». От 16 марта 1911 г.:

«11-го сего марта <...> изволила отбыть из Москвы ее императорское высочество великая княгиня Елисавета Феодоровна с генеральшей Корниловой <неустановленное лицо. — Ред.> и семью сестрами Мариинской обители до станции Арсаки <...> по прибытии куда была встречена игуменом названной обители Германом. После чего отправилась в монастырскую гостиницу, откуда через 40 минут отправилась к вечерне. Через час возвратилась в гостиницу, а в 6 час. 20 мин. вечера отправилась ко всенощной, откуда вернулась в 9 час. 30 мин. вечера.

12 сего марта в 8 часов утра изволила отправиться к литургии, откуда в 10 час. 20 мин. утра по окончании литургии проследовала в покои игумена отца Германа, где пробыв

около часа, возвратилась в гостиницу. В 6 часов 20 мин. вечера отправилась ко всенощной, которая длилась до 11 часов 15 мин. вечера, а затем вернулась в гостиницу. А в 4 часа утра 13 сего марта ее высочество отправилась на исповедь к затворнику отцу Алексию, откуда вернулась в 5 часов утра. В 8 часов 30 мин. утра отправилась к литургии, где ее высочество изволила приобщиться Святых Таин, и по окончании литургии и молебна отправилась в покои игумена отца Германа, откуда вернулась в гостиницу в 1 час 20 мин., а в 3 часа 30 мин. пополудни отбыла на монастырских лошадях на станцию Арсаки в сопровождении иеромонаха отца Иннокентия. Со станции Арсаки с поездом № 5 в 4 часа 30 мин. пополудни отбыла с генеральшей Корниловой до станции «Сергиево», куда прибыла в 5 часов 30 мин. пополудни, где была встречена иеромонахом Сергиевской лавры отцом Нилом. И на монастырских лошадях отбыла в Троице-Сергиевскую лавру...»

От 22 августа 1911 г.: «1911 года августа 20 дня ее императорское высочество великая княгиня Елисавета Феодоровна изволила прибыть на Ярославский вокзал в 9 ч. 55 м. утра вместе с десятью сестрами Марфо-Мариинской обители и все в отдельном вагоне с поездом № 6 в 10 ч. 10 м. утра отбыли из Москвы до станции Арсаки <...> по прибытии в пустынь была встречена игуменом отцом Германом, который отслужил краткий молебен, а затем ее высочество проследовала в монастырскую гостиницу в отведенные комнаты. В 6 ч. вечера ее высочество изволила пройти к всенощной, которая длилась до 12 ч. ночи, а затем исповедовалась у затворника отца Алексия, где провела до 2 ч. ночи, и возвратилась в гостиницу.

21 августа ее высочество в 8 час. утра изволила проследовать к литургии и приобщиться Святых Таин вместе с сестрами; по окончании литургии и молебна ее высочество проследовала в покои игумена отца Германа, где пробыла до 2 час. 30 м. дня и возвратилась в гостиницу. В 6 час. вечера ее высочество изволила проследовать ко всенощной, которая длилась до 11 ч. 30 м. ночи, и по окончании проследовала обратно в монастырскую гостиницу.

22 августа сего в 4 час. утра ее высочество проследовала к ранней литургии, по окончании коей в 5 ч. 30 м. утра возвратилась обратно в монастырскую гостиницу, а в 6 ч. 30 м. утра на монастырских лошадях вместе с сестрами в сопровождении игумена о. Германа и о. Иннокентия направилась на ст. Арсаки, откуда с поездом N2 3 в 7 ч. 10 м. утра отбыла в Москву».

(3) Двое из них игумены Герман (Гомзин) и Гавриил (Зырянов).

(4) Епископы Дмитровский Трифон (Туркестанов) и Серпуховской Анастасий (Грибановский) ошибочно названы митрополитами.

(5) В Марфо-Мариинской обители глубоко почитали старца Аристоклия (Амвросиева), который благословлял сестер поступать в обитель.

(6) Великая княгиня была шефом 5-го гренадерского Киевского полка. 1 июня 1912 г. Николай II назначил вместо нее цесаревича Алексея Николаевича. Государь объявил гренадерам, что Великая княгиня Елизавета Феодоровна, «решив посвятить себя исключительно делам религии и благотворения, просила освободить ее от шефства, но что духовную связь с полком она навсегда сохранит».

ПИСЬМО 3

29 апреля 1909 г.

Милый Ники!

Мне ужасно стыдно беспокоить тебя разными прошениями, но мне показалось, что это легко будет сделать, и я взяла на себя смелость написать тебе. Пожалуйста, прости, что отнимаю твое драгоценное время, но я ведь знаю, ты всегда, если возможно, готов помочь в добром деле.

Сегодня, в день рождения Сержа, я хочу поговорить о его верном друге, которого ты знаешь так же хорошо и которому пришлось испытать величайшие нравственные страдания, какие только человек может понести. Это Гадон (1). В июне будет 200-летний юбилей Полтавской битвы, в которой прославились наши любимые преображенцы. Использовать такой день для монаршей милости к тем, кто провинился в 1906 году— Озерову и Гадону, вернуть им мундир и право служить. Ты знаешь их обоих как твоих вернейших подданных, и за эти годы глубоких душевных страданий их преданные сердца не поколебались.

Другие, совершившие более тяжкие проступки, получили прощение. Эти же двое вынесли все так, как дай Бог каждому на их месте. Уверена, твое доброе сердце обрадуется, что есть хороший повод и представилась такая возможность. Я потому это говорю, что сердцем чувствую: Серж был бы на их стороне. Прости, если позволила себе лишнее, но я уверена, что ты меня понимаешь.

Четыре других вопроса.

Дочь старой княгини Трубецкой сильно нуждается, presque la misère* может ли она получить пенсию? Ее мать недавно умерла, и ты был очень добр, послав венок и телеграмму.

Вкладываю письмо госпожи Треповой, пожалуйста, сожги его, когда прочтешь. Прилагаю еще прошение, присланное ею; не знаю, сочтешь ли ты это возможным.

Бумага по поводу русской земли; об этом я только напоминаю тебе, думаю, ты уже знаешь.

И последнее: бедняге, которому не на что жить (между нами, больше служить он не может, потому что недостаточно умен), честно отслужил, никогда не получая des gages** — маленькую пенсию. Прежде он всегда трудился, а сейчас изнурен, и, откровенно говоря, я не могу предложить ему место, но он просто умирает с голоду. Да и в самом деле, его честная бескорыстная служба могла бы быть вознаграждена маленькой пенсией, как ты думаешь?

Еще раз прости за беспокойство. Благослови тебя Господь.

Твоя любящая сестра Элла.

* почти нищая - фр.

** жалованья - фр.

(1) Бывший адъютант великого князя Сергея Александровича ВС. Гадон, с 1904 г. командовавший лейб-гвардии Преображенским полком, не сумел пресечь незаконную солдатскую сходку и в октябре 1906 г. вместе с генерал-майором СС. Озеровым был вынужден уйти в отставку.

Из письма великой княгини к ВС. Гадону от 5 июня 1906 г.: «Увы, все то доброе, что вы делаете — и как человек долга делали всегда, — в наше время жестокого безумия ни в коей мере не спасло Вас и не избавило от страданий Ваше бедное сердце. Вы должны понести грехи других, грехи нашего времени. Подумайте, как Христос

трудился, жил для нас и сколько Ему пришлось страдать, какой жестокостью и злобой человечество воздало Ему за Его святую доброту. Скажите себе: Он, претерпевший страдания за нас и от нас, хочет, чтобы Вы, Его любимый сын, разделили и тоже понесли Ваш крест. Он нашел Вас достойным страдания, чтобы Вас утешить — позже взять к Себе очищенным и преобразившимся. Вы верующий и знаете все это. Да даст Он Вам ощутить над собой Его Божественный покров. Мужайтесь, мужайтесь. Бог Вам поможет, и столько, столько людей — Ваши верные друзья — молятся и думают о Вас. Да благословит Вас Бог и укрепит» [РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1011. Л. 2—5. Здесь и ниже публикация СВ. Бельчинковой]. Из не датированного письма: «Да поможет Вам Бог!

Ваш крест очень тяжел, и если я не касаюсь этого в разговоре с Вами, то потому, что не могу ни облегчить его, ни, увы, избавить Вас, а только, боюсь, сделать его еще тяжелей. Господь, возложивший его на Вас, да даст Вам сил его нести и да изольет в Ваше изболевшееся сердце немного покоя. Пресвятая Дева — вот Кто Вас укрепит, если Вы к Ней воззовете. Не страдала ли Она больше, чем все земнородные? И Она — я хочу сказать, Ее Казанская икона, которой Вам посчастливилось владеть в Петербурге,— излечит вашу рану, не правда ли!» [РГИА. Ф. 1102. оп. 1. Д. 1011. Л. 28-29 об.).

Из письма княгини З.Н. Юсуповой сыну Феликсу от 17 июня 1906 г.: «Ты, вероятно, узнал из газет печальное происшествие в Преображенском полку! Солдаты 1-го батальона не хотели повиноваться офицерам и предъявили разные требования экономические и политические, одним словом, полный скандал! Это произошло в Петергофе, когда полк стоял на охране «царской резиденции. — Ред. >. Ты можешь себе представить положение бедного Гадона! Жаль на него смотреть. Кончилось тем, что все солдаты бросились на колени, что доказывает, насколько непрочны их убеждения! Но этим пятна не смоешь, и впечатление остается самое удручающее!».

Письма цитируются по кн.: Письма преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны. М, 2019.

Приобрести книгу полностью можно в церковной лавке Обители.